

Марина С. Серова
Люблю свою работу
Серия «Секретный агент Багира»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167138
Стоит только захотеть... Люблю свою работу: Эксмо-Пресс; М.;
ISBN 5-04-008075-1*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Серова

Люблю свою работу

Глава 1

Люблю свою работу.

Именно с этой мыслью я переступила порог конспиративной квартиры, где должна была встретиться с генералом Громом – моим единственным, бессменным и горячо обожаемым начальником. «В миру» генерала звали Андреем Леонидовичем Суровым, но мне как-то привычнее было называть его рабочим именем Гром.

Задания я получала только от Грома. Отчитывалась тоже лично ему, правда, все больше в письменном, разумеется, зашифрованном виде. Лицом к лицу, особенно в последние годы, мы встречались довольно редко. Выезд генерала из столицы для личной встречи означал, как правило, особую деликатность очередного задания.

Я поздоровалась, под пристальным генеральским взглядом пересекла кабинет, заняла жестом предложенное место. Гадать, что меня ожидает на этот раз, было бессмысленно. Да и зачем, если через несколько минут и так узнаю все, что мне положено знать для задания.

Вечно занятой Гром, однако, сейчас разговор начинать не торопился. Некоторое время он продолжал внимательно меня разглядывать, потом встал, выложил на стол стопку документов из кейса и только тогда сказал:

– Здравствуй, Юлия Сергеевна.

Я ждала продолжения. Обещанный мне после выполнения последнего задания недельный отпуск успел продлиться ровно тридцать шесть часов, и теперь мне не терпелось узнать, чем же сие было вызвано. Однако, как и полагается секретным агентам, я старательно изображала невозмутимость. В общем, «ни один мускул не дрогнул на ее лице».

Гром перетасовал документы, выудил два паспорта – российский и заграничный, бросил передо мной на стол.

– Парамонова Светлана Валерьевна, – сообщил он с унылой гримасой, – недавно вернулась из Балакова, где пела в местной поп-группе, а также пыталась заниматься бизнесом. И то, и другое – неудачно.

– А почему меня потянуло в Балаково? – Я неторопливо развернула свои новые документы.

– Поехала с приятелем. Связь тоже оказалась неудачной. В Тарасов вернулась две недели назад. Подробности своей жизни, а также другую необходимую информацию найдешь здесь. Да, кстати, с днем рождения.

Генерал подтолкнул ко мне тощую папку, которую я тут же отложила в сторону. Это успеется. Пока меня интересовали паспорта. Российский выглядел так, как ему и положено, если все время таскать его с собой, – в меру потрепанный, в потертой на углах обложке. Я полистала страницы. Через три дня Светлане исполнялось двадцать семь лет. И так, меня «омолодили» на два года. Нормально, было бы хуже, если бы состарили.

Заграничный паспорт был совсем новенький.

– Я еду за границу? – небрежно поинтересовалась я, все-таки не удержавшись от вопроса. – Люблю свою работу. Сегодня здесь, завтра – там, послезавтра...

Генерал сделал губы трубочкой, помрачнел еще больше, с расстановкой произнес:

– Надеюсь, что нет. – Он тяжело поднялся, прошелся к окну и обратно. – Дело непростое. Рассказываю по порядку.

Ну и выразился! Мои брови непроизвольно дрогнули. Да у нас две трети дел можно смело назвать непростыми. А оставшуюся треть – сложными.

Я положила паспорта на папку и преданно уставилась на шефа, для порядка слегка нахмурившись. Гром, очевидно, заметив произошедшие на моем лице метаморфозы, слегка улыбнулся, но тут же снова посерьезнел.

Он вынул из незапечатанного конверта несколько черно-белых фотографий, разложил веером на столе. На снимках в разных ракурсах был изображен один и тот же человек, лежащий навзничь на полу в луже крови. На трупе было только полосатое полотенце, обернутое вокруг бедер. В правой руке пострадавший сжимал телефонную трубку. Сам телефон валялся рядом, упав, очевидно, со столика. На нескольких снимках крупным планом была запечатлена шея, перерезанная с правой стороны, начиная от трахеи. Вероятно, убийца находился сзади и слева.

– Обрати внимание на характер раны, положение тела. Возможно, пригодится. – Гром ткнул пальцем в фотографии. – Семенов Юрий Константинович, сотрудник одного тарасовского завода, работающего на оборонку. Собирался в Москву, докладывать о результатах испытаний... э-э-э... опытного образца. Разработка на сегодняшний день не имеет аналогов ни в одной стране мира. По пути... м-м-м... заехал домой... Часть документов похищена, с остальных, вероятно, сделали копию. Чемоданчик, в котором хранились материалы, не взломан, замки были открыты чисто, а затем снова закрыты. Из чего можно сделать вывод, что либо Семенов собственноручно открывал чемоданчик, либо злоумышленник имел доступ к ключу и знал код.

Гром сделал паузу, взял одну из фотографий, укоризненно покачал головой и швырнул ее обратно на стол.

– Есть подозрения, что либо с завода, либо с московского НИИ, работающего с вышеупомянутым заводом в одной, так сказать, упряжке, периодически происходила утечка информации. Сложно сказать наверняка, но не исключено, что утечка каким-то образом была связана именно с командировками Семенова. В Москву он ездил, надо сказать, часто...

Разглядывая фотографии, я обнаружила, что мои брови опять удивленно ползут вверх. Ну хорошо, допустим, что Семенов лично мотался с секретными документами в Москву и обратно. Почему бы и нет? Вероятно, это входило в его компетенцию. Но, вместо того чтобы ехать напрямиком в аэропорт, он прется с «секреткой» домой, а там занимается черт знает чем – ведь, судя по некоторым деталям, попавшим в объектив, покойный занимался именно черт знает чем, – это, пардон, верх безалаберности.

– Это не его квартира, – как бы в ответ на мои мысли сказал Гром. – То есть не его собственная. Уважаемое семейство Семеновых в количестве трех человек, не считая покойного, проживает в другом конце города, недалеко от завода. А эту Юрий Константинович арендовал, так сказать, для интимных встреч. Знал об этом только штатный водитель Семенова да те, с кем происходили, хм, встречи. Шофер отвозил Семенова в аэропорт и возвращался только после того, как самолет благополучно поднимался в воздух. Так он всегда и делал. Но только после того, как Семенов два-три часа проводил в этом уютном гнездышке. Возвращение из Москвы в Тарасов происходило по тому же сценарию, но в обратном порядке: водитель встречал шефа в аэропорту, привозил сюда, а сам дожидался внизу в машине.

– И долго продолжался этот водевиль?

– Долго. Если кое у кого на заводе и возникали сомнения в отношении Семенова, то рот ему затыкали прежде, чем сомневающийся успевал поделиться хоть с кем-нибудь своими соображениями. Видишь ли, покойный имел очень влиятельного покровителя... – Гром выразительно посмотрел в потолок и на некоторое время замолчал. – В принципе шофер мог и не торчать у подъезда, – прежде чем покинуть любовное гнездышко, Семенов всегда предварительно созванивался с ним. Однако водитель предпочитал не покидать свой пост,

потому что, как он сам утверждает, понимал, что, какие бы деньги шеф ни платил ему за молчание, если бы что-то пошло не так, по головке бы его, шофера то есть, не погладили. Иногда он все же ненадолго отлучался, как, например, вчера. Поехал в ближайший киоск за сигаретами. Именно в это время и позвонил Семенов, чтобы сообщить о краже документов.

Я с сомнением посмотрела на перерезанное горло любвеобильного душки Семенова. С такой раной особенно не поговоришь. Значит, сначала он обнаружил пропажу документов, успел позвонить и только после этого подвергся нападению.

– Следовательно, – высказала я вслух свои домыслы, – убили его не сразу?

– Удивительная сила ума! – язвительно воскликнул Гром.

Я почувствовала, что краснею, и поспешила поправиться:

– Я имею в виду, что убили его не для того, чтобы заполучить документы, а чтобы заставить замолчать?

Генерал закатил глаза и несколько секунд стоял так, покачиваясь на носках. Наверное, считал до десяти и обратно.

– Привожу дословно показания водителя, касающиеся его последнего разговора с Семеновым. – Он открыл кожаную папку, монотонным голосом зачитал: «Юрий Константинович был очень взволнован. Убедившись, что я на проводе, он сразу же закричал: „Документы... Эта поганая сука... Несчастливая любовь“. – Несколько матерных выражений. – „А я доверял, как себе“. – Дальше пошел продолжительный отборный мат. Затем: „Переправит за границу. Фирма „Радуга“. Попробуй перехватить. Татуировка на...“ Все. Эта фраза была последней, потом послышался звук, как будто что-то упало. Я развернулся и помчался обратно. Ехать надо было всего квартал, поэтому через пару минут я уже был у подъезда. Сразу же поднялся в квартиру, по пути никого не встретил. Дверь была заперта. Я звонил, стучал, а потом связался с директором завода. До приезда службы безопасности из квартиры никто не выходил».

– Не густо, – заметила я. – А что там было про радугу?

Гром захлопнул папку, бросил ее на стол, задумчиво повторил:

– Из квартиры никто не выходил... «Радуга» – это совместное предприятие, фирма по трудоустройству за рубежом. Специализируется на подготовке и поставке девушек, иногда юношей в танцевальные шоу. Работают с тремя странами: Голландией, Швецией и Германией. Основной офис «Радуги» находится в Амстердаме. Российский филиал – в Тарасове. Исходим из версии, что данные, полученные от водителя господина Семенова, достоверные. Твоя задача – выявить, кто из «Радуги» и каким боком причастен к похищению или переправке секретных материалов за рубеж, установить личности, местонахождение документов и их копий. На все про все – три недели. Двадцатого ноября – день отъезда очередной партии «трудоустроенных» на рабочие места.

Я недовольно поморщилась. Терпеть не могу работать дома. Руководство, правда, тоже старается не использовать агентов в местах постоянного проживания. Если можно назвать постоянным проживанием одно – , двухдневные налеты в родимый дом.

– Понимаю, – сурово сказал Гром, сверля меня взглядом. – Я бы тоже предпочел в данной ситуации задействовать другого сотрудника. Но, к сожалению, на сегодняшний день ты единственная из подходящих кандидатур свободна.

Вот так. А ведь мог бы сказать, хотя бы для поднятия боевого духа, что я, например, единственная, кто в состоянии справиться с заданием, от выполнения которого зависит безопасность и благосостояние родной страны. По крайней мере, становилась понятной высказанная вслух надежда Грома по поводу того, что за границу мне ехать не придется.

– Теперь главное, агент Багира. Установив местонахождение секретных материалов, ничего не изымать, вообще нос туда совать не рекомендую, себя не обнаруживать. А немедленно выйти на связь по варианту «В» и ожидать дальнейших указаний. Вопросы?

– Кого предпочитал Семенов: мальчиков или девочек?

Этот вопрос крутился у меня на языке уже с минуту. Судя по всему, с «Радугой» был связан именно любовник Семенова. Причем их связь должна была быть достаточно продолжительной, едва ли убитый мог «доверять, как самому себе» малознакомому человеку. Из «особых примет» предполагаемого злоумышленника пока имелась только татуировка, да и та неизвестно что изображала и на какой части тела. Однако, зная предпочтения Семенова, можно было значительно сузить круг поисков.

Ответ оказался наихудшим из возможных:

– И тех и других. Покойный был бисексуалом. Еще вопросы есть?

– Никак нет, товарищ генерал! – рявкнула я, поднимаясь. – Секретный агент Багира к выполнению задания готова!

Гром мученически поморщился.

– Тише ты! И так голова раскалывается. Нет вопросов, так валяй, выполняй.

Домой я отправилась в приподнятом настроении. Так всегда бывает после получения очередного задания. Все-таки по натуре я авантюристка. Если бы несколько лет назад я не попала в учебку Минобороны СССР, неизвестно, какими кривыми тропками-дорожками пошла бы моя судьба. Как истинная авантюристка, я с трудом переносила монотонность существования и в любой момент была готова сорваться куда угодно, если впереди ждали риск и приключения. Никогда не понимала людей, предпочитающих просиживать сутками у телевизора и довольствоваться приключениями не собственными, а киношных героев.

Вернувшись домой, я перво-наперво нашла в газете номер телефона и позвонила в фирму, занимающуюся квартирными вопросами. На ближайшие три недели мне необходимо было сменить жилище. Дождавшись соединения, я медовым голоском потребовала подыскать мне в аренду скромную, но хорошую квартиру в центральной части города, с мебелью и непременно с телефоном, и чтобы вселиться в нее я смогла сегодня же. Интересующая меня квартира отыскалась уже через пятнадцать минут, я договорилась о встрече и с чувством частично выполненного долга погрузилась в бассейн – не единственное, но самое замечательное достоинство коттеджа, некоторое время назад предоставленного чутким руководством в мое полное распоряжение. Люблю свою работу!

Из бассейна я выбралась только после того, как наплавалась до приятной тяжести в мышцах, приготовила кофе и, устроившись на диване, с воодушевлением раскрыла полученную от Грома папку. Но чем больше я вникала в ее содержимое, тем паршивее становилось на душе. Сначала я просмотрела и отложила в сторону листки с описанием ничем не примечательной жизни Парамоновой Светланы Валерьевны. Через минуту туда же отправились сопутствующие документы – выдавшая виды трудовая книжка, водительское удостоверение, полученное в городе Балакове четыре года назад, прилагавшаяся к удостоверению медицинская справка, выданная в хозрасчетной поликлинике номер три города Балакова, еще одна медицинская справка, из которой следовало, что обладательница оной ни венерическими, ни иными заболеваниями не страдает, зато имеет все предусмотренные Минздравом прививки.

Кучее досье на СП «Радуга» и сотрудников тарасовского филиала фирмы носило характер скорее справочный и никаких сведений, способных мне помочь, не содержало. Из досье следовало, что фирма была организована пять лет назад, все это время добросовестно придерживалась заявленного направления деятельности, ничем противозаконным не занималась, а если и занималась, то так искусно, что поводов усомниться в своей кристальной чистоте перед государством и честными гражданами не давала. Штатные сотрудники филиала были сплошь мужчины в количестве четырех человек – директор, заместитель директора, водитель «с личным автомобилем» и хударук, в обязанности которого входили отбор, а

также последующая танцевальная подготовка в трехнедельный срок желающих трудоустроиться.

Женщина фигурировала только одна – внештатный бухгалтер филиала, она же совладелец СП, при этом фамилия ее была такая же, как и у директора, что наводило на мысль о старом добром семейном подраде. Все как один сотрудники «не состояли», «не привлекались», «нет», «замечены не были», «нет». «Да» стояло только в графах, информирующих о фактах выезда за границу.

Содержимое папки с каждой минутой таяло, а я ничего более существенного, чем татуировку на теле подозреваемого, пока не имела. Наконец все бумаги из папки благополучно перекочевали на диван. Что ж, будем исходить из того, что имеем.

Итак, танцподготовка трудоустраивающихся осуществляется в трехнедельный срок, начинается она после формирования партии выезжающих и заключения с ними трехсторонних контрактов – с фирмой-посредником, зарубежным работодателем и самими субъектами. Гром сказал, что очередная партия желающих танцевать на подмостках заграничных заведений отправляется в путь через три недели. Из этого следует, что данная группа танцоров уже сформирована, документы, необходимые для выезда с целью работы, находятся, вероятно, в процессе оформления, а худрук уже приступил к своим обязанностям. Интересно, есть ли у меня шанс попасть в число счастливиц?

Сейчас узнаем. Минут пять я покрутилась перед зеркалом, «примеривая» на себя новую личность – певичку-неудачницу Светлану Парамонову. Удовлетворившись результатом, плеснула в чашку остатки кофе и набрала номер телефона «Радуги».

– Алло?

Голос в трубке звучал с претензией на сексуальность, при этом было совершенно непонятно, кому он принадлежит – мужчине или женщине.

– Добрый день, – я сделала паузу, давая возможность собеседнику произнести ответное приветствие. – Меня интересует трудоустройство за рубежом. Я правильно попала?

– В самую точку. Сколько вам лет, простите за нескромность?

– Двадцать шесть, – я огорченно вздохнула. – Но вот-вот стукнет двадцать семь. Старушкой, я надеюсь, еще не считаюсь?

– Ну что вы! Разумеется, нет! Лично мне тридцать, – понизив голос, зачем-то сообщила трубка. – Танцевать умеете?

– Немного, – смущенно призналась я. – Зато у меня есть музыкальный слух, хорошее чувство ритма и большое желание поскорее трудоустроиться. Где-нибудь в Голландии.

– Можно и в Голландии, – рассмеялся собеседник кокетливо. – Если вы нам подойдете, а вас устроят наши условия, будете там уже через два месяца.

– Через два месяца – это много, – заявила я решительно. – Забыла сказать, кроме большого желания, у меня также имеются загранпаспорт, все документы, которые могут потребоваться, а также некоторая сумма на текущие расходы.

– Одну секундочку! – торопливо воскликнул собеседник.

Секундочка растянулась в минуточку, во время которой я строила догадки, что именно так заинтересовало сексуально настроенное существо на другом конце провода – наличие загранпаспорта или упоминание о «некоторой сумме», и с любопытством прислушивалась к доносившимся обрывочным фразам: «Вот видишь, еще одна... А ты волновался... Вот и посмотрим...»

– Э... голубушка! – ожила наконец трубка.

– Светлана, – подсказала я.

– Светочка! Голубушка! Вы можете сегодня подъехать на собеседование?

Я посмотрела на часы. Время близилось к двенадцати, в два у меня встреча с агентом по недвижимости Михаилом, от которого вряд ли удастся отделаться раньше трех.

– Думаю, смогу выкроить время, – сообщила я, томно вздохнув. – Скажем, часа в четыре вас устроит?

– Лучше в пять. В шесть начинаются занятия для основной группы, так что прихватите подходящий для танцев костюм, трико там, юбочку, маечку... – слово «костюм» он произнес с тщательным проговариванием буквы «о». – И учтите, если из числа претенденток выберут вас, подготовка к работе для вас, Светочка, начнется сегодня же, потому что через три недели вы уже будете упаковывать чемоданы. Но за это время вам необходимо освоить...

Что именно мне предстояло освоить – знаем мы эти «танцы»: раздеваемся под музыку, одеваться не спешим, – я слушала вполуха, до глубины души возмущенная тем, что меня, Светлану Парамонову, еще собираются подвергнуть конкурсному отбору! Подумать только, какова наглость! Кроме того, меня начало не на шутку раздражать то обстоятельство, что я до сих пор так и не смогла определить половую принадлежность собеседника.

– Думаю, подробности мы сможем обсудить при личной встрече, – перебила я бесцеремонно и довольно холодно. – С кем, простите, имею честь?

– А-а... – существо на несколько мгновений растерялось, а в голосе появились оскорбленные нотки. – Реснин Павел Анатольевич, художественный руководитель коллектива.

«Коллектив», как и «костюм», был манерно-театрально выговорен по буквам.

Не выдержав, я рассмеялась и поспешила сказать со всей нежностью, на которую была способна:

– Очень приятно. Парамонова Светлана Валерьевна. Для вас просто Светлана. До встречи, Паша.

– Адрес, адрес запишите!.. – воскликнул Паша, но я уже отключила связь.

Надоел он мне до чертиков. А как еще успеет надоест! Ведь придется взять его на особую заметку, с такими-то манерами...

На продумывание гардероба и сборы ушел целый час. Сюда я больше возвращаться не собиралась, а образу Светланы, учитывая обстоятельства, должна была соответствовать каждая мелочь. Еще минут пятнадцать ушло на косметические процедуры. Так что окончательно собралась я только к половине второго. Между делом, правда, еще успела сделать прощальный скоростной заплыв в бассейне.

Застегнув отделанную мехом умопомрачительную куртку и натянув перчатки, я внимательно изучила собственную особу в зеркале. Теперь меня с одинаковым успехом можно было принять как за владелицу небольшого банка, так и за дорогую проститутку. То, что требовалось.

Весело подмигнув отражению, я подхватила сумку и отправилась на поиски татуированного засранца, рискнувшего покуситься на государственные тайны.

Чем дальше я уходила от коттеджа, тем меньше во мне оставалось от Юли. Когда я вышла на обочину дороги, то чувствовала себя Светланой Парамоновой на девяносто процентов. Оставшимися десятью безоговорочно распорядилась секретный агент Багира.

Глава 2

Пропустив несколько машин, в которых, кроме водителя, угадывались силуэты пассажиров, я раздраженно отмахнулась от собиравшегося было притормозить потрепанного «жигуленка» с не менее потрепанным хозяином за рулем, но тут узрела приближающуюся приличного вида иномарку, мило улыбнулась и вытянула руку.

Водитель иномарки оказался очаровашкой. Представился он Гошей, потом я узнала, что на самом деле его зовут Игорем, а Гошей называют только близкие друзья, но так же он представляется и девушкам, к которым с первого взгляда начинает испытывать симпатию.

Он наотрез отказался взять плату за проезд, вручил мне визитку, которую я благоклонно приняла и на всякий случай – мало ли, как дело обернется, – вложила в кармашек куртки, и напоследок еще раз посетовал, что я занята, чтобы встретиться с ним сегодня же.

Может быть, Светлана и нашла бы время, особенно учитывая то обстоятельство, что приглашал меня Гоша не в какую-нибудь кафешку или холостяцкую квартиру, а в загородный то ли дом отдыха, то ли оздоровительный комплекс, но в любом случае там можно было отдохнуть и душой и телом, сняв комплекс целиком хоть на сутки и не беспокоясь, что в самый интересный момент кончится оплаченное время или завалится кто-то посторонний.

В загородном заведении имелись бар, сауна с бассейном, двухместные комнаты для желающих прилечь, столовая, способная без труда вместить человек тридцать голодных и жаждущих, а также помещение побольше, в котором стояли бильярдные столы и где устраивали танцы. Поэтому нет ничего удивительного, что Светлану данное предложение заинтересовало и заинтриговало. Однако десять процентов Багиры перевесили, и увеселительную прогулку пришлось отложить на более удачное время, которое когда-нибудь, но должно было наступить.

На встречу с Михаилом я прибыла с запасом в целых три минуты. Он по телефону подробно описал свою внешность, особые приметы – торчащие уши и плешь на макушке, а также место, где будет меня ожидать. В отношении себя я смогла сообщить лишь то, что чертовски привлекательна, стройна, но заверила, что его опознаю в любом случае.

Определила я его действительно безо всякого труда – он держал в руках вязаную шапочку, демонстрируя и правда торчащие, сейчас красные от холода уши и внушительную, не менее красную, лысину каждой проходящей мимо особе женского пола. Я поспешила навстречу к Михаилу, пока его уши не отпали совсем.

Квартира, которую мы отправились посмотреть сразу же, как только шапочка была водружена на место, а Михаила удалось немного отогреть в близлежащем магазине, в котором я, пользуясь случаем, приобрела коробку чая в пакетиках, сахар и несколько пирожных, вполне отвечала всем предъявленным мною требованиям. И хотя цену за ее аренду запросили немалую, от просмотра других имеющихся вариантов я отказалась, подписала договор аренды на месяц и сразу же расплатилась, предварительно, правда, поторговавшись. В средствах, в том числе материальных, руководство меня никогда не стесняло, но поторговаться в данном случае я считала своим долгом, ведь по легенде я была Светланой, а эта девица за аренду квартиры деньги выкладывала свои кровные, предположительно тяжким трудом заработанные.

Когда с формальностями было покончено, я, уже на правах хозяйки, хотя и временной, напоила лопухого Михаила чаем с заварными пирожными, спустя полчаса выставила засидевшегося гостя за дверь, а сама вытянулась на диване и предалась размышлениям, то и дело погружаясь в полудремотное состояние.

Моя новая личность меня пока устраивала, – в меру образованная, без перебора, а ровно настолько, чтобы чувствовалась эдакая «изюминка», вульгарная, без комплексов, с большими амбициями и солидным жизненным опытом, который вполне компенсировал

недостаток образования и избыток легкомыслия. Короче, характер очень даже подходящий, учитывая маячившую впереди задачу, – раздевать каждого, имеющего мало-мальское отношение к филиалу фирмы по трудоустройству за рубежом, и делать это до тех пор, пока на чьей-нибудь ягодице не обнаружится искомая татуировка. Почему-то мне казалось, что татуировка должна украшать именно ягодицу или иную интимную часть тела. Очевидно, такой ход мысли приняли под влиянием информации о бисексуальности покойного Семенова, не сумевшего сохранить ни государственные тайны, ни собственную жизнь.

Конечно, не факт, что пришил его любовник, может, документы взял кто-то другой. Также возможно, что один взял документы, а другой... Впрочем, какое это имеет значение? Любопытно, что Семенов при сообщении такой важной информации не забыл пожаловаться на несчастную любовь. Ерунда какая-то. Неужели вероломство любовницы (или любовника) Семенова так огорчило, что он решил между делом излить душу своему водителю? Или «любовь» каким-то образом связана с татуировкой? Что-нибудь типа сердца, пронзенного стрелой.

Я перебрала в памяти все когда-либо виденные татуировки, символизирующие несчастную любовь. Как правило, подобные картинки, а иногда и надписи украшали тела бывших заключенных, геев, дешевых «жриц любви», реже – особо чувствительных, романтически настроенных девиц и временно ошалевших от избытка бушующих гормонов подростков. К тому же последние, по мере своего взросления, предпочитали от подобных глупостей всяческими путями избавиться. Едва ли Семенов, учитывая его возможности и избалованность неизвестным мне покровителем, водил бы дружбу с уличной дешевкой.

Значит, если «несчастливая любовь» все-таки связана с татуировкой, внимание следует сконцентрировать на геях и чувствительных девицах. Остальных тем не менее тоже не следует сбрасывать со счетов. В жизни всякое бывает, взять того же Семенова: тут он голубой, а там – примерный семьянин. Был.

Итого, раздевать все-таки придется всех подряд. Остается открытым вопрос, как именно это делать. «Трудоустроивались» в основном девушки. Хорошо, это еще куда ни шло. Часть можно было незаметно рассмотреть в процессе «танцзанятий», кого-то – в раздевалке или в душе.

Но как быть с мужчинами? Кого-то, вероятно, придется соблазнить. На что только не пойдешь ради дела.

Кроме того, за границу мог отправиться сообщник, а сам татуированный преступник... – от такого предположения я вздрогнула и села на диване, – вполне мог иметь лишь косвенное отношение к «Радуге» и обнаружиться среди многочисленных мужей, жен, братьев, сестер, иных родственников или друзей и знакомых «трудоустроенных» за пределами необъятной родины.

Перспектива, которая вырисовывалась передо мной в этом случае, была столь безрадостной, что я поспешила прекратить пугать себя всякими домыслами. Возможно, реальность окажется не столь ужасной, и я не погрязну в этом задании до конца дней своих. Как там выразился Гром, «дело непростое»? Ха-ха! Представляю себе, как он там ухмыляется втихомолку на мой счет. А может, и не ухмыляется вовсе, а, напротив, жалеет. Или даже завидует.

Последняя мысль меня не на шутку развеселила, так что в контору по трудоустройству я отправилась уже не в таком подавленном настроении, как можно было ожидать.

Приехала я не к пяти, а гораздо раньше, намереваясь перед собеседованием с Пашей и прочими представителями «Радуги» пошатаваться по округе, присмотреться и, может быть, раздобыть какую-нибудь заслуживающую внимания информацию.

Такая возможность мне представилась сразу же, и я ее не упустила. Около дверей конторы, переминаясь с ноги на ногу от холода, смолила сигаретку худенькая девчонка, у

которой на лбу большими буквами было выведено: «Надоело тут все до чертиков. Хочу трудоустроиться за рубежом». Собственно, было не очень холодно, во всяком случае, не ниже плюс семи-восьми градусов по Цельсию, но дул премерзкий, насквозь пронизывающий ветер, а девчонка была одета не по сезону – в джинсы, ботиночки и короткую, явно ничем не утепленную курточку. Сигаретка у нее торчала во рту, а руки были спрятаны в карманах джинсов. Она все время шмыгала носом и вынимала попеременно то одну, то другую руку только для того, чтобы стряхнуть пепел.

Прямо за ее спиной висела вывеска, уведомлявшая, что интересующая меня контора находится непосредственно за отделанной деревом дверью, но я, не моргнув глазом, спросила, не знает ли девушка, где тут находится фирма под названием «Радуга».

Девчонка, щурясь от едкого дыма, то и дело попадавшего в глаза, с завистью осмотрела мой ультрамодный и теплый прикид, покосилась на дорогую кожаную сумку, бока которой раздулись от танцевального «костюма», – не зная, в чем тут принято ходить на занятия, я напихала в сумку половину отобранного гардероба, – и мотнула головой в сторону вывески, отчего с кончика сигареты слетел накопившийся пепел.

– Ой! – сказала я. – И вправду. А че, там закрыто?

Девчонка вынула сигарету изо рта, шмыгнула носом, стараясь не стучать зубами, проворчала:

– Открыто.

– А че, там курить нельзя?

Не снимая перчаток, я вынула пачку легких дорогих сигарет, закурила, но пачку обратно в сумку класть не стала. Вообще-то я курить не люблю и никогда этого не делаю, если имею такую возможность, но иногда по долгу службы курить была просто обязана. Причем не всегда могла позволить себе сигареты хорошего класса, так что со Светланой Парамоновой, по крайней мере, в этом отношении мне повезло.

– Можно, – просипела девчонка, стукнула пальцем, таким же красным, как и лак на ногтях, по сигарете и сунула в рот запачканный губной помадой фильтр.

«Разговоришься у меня как миленькая», – подумала я и поинтересовалась:

– А чего ты здесь тогда, из принципа мерзнешь?

Девчонка глянула на меня с недоумением – вот, мол, привязалась, – и неохотно пояснила:

– Да там и так Серж, директор наш, дымит как паровоз. А нам же потом дышать. Тяжело, знаешь, три часа подряд ногами махать, когда вокруг дым коромыслом.

Я сообразила, что она говорит о предстоящих танцзанятиях. Упоминание о трехчасовом «махании ногами» настораживало.

– Так тут и вправду танцам учат? – удивилась я.

– Еще как, – вздохнула девчонка, с сожалением посмотрела на выкуренную до самого фильтра сигарету и бросила ее в лужу. – Этот педик, учитель танцев, мать его, так гоняет... Правда, танцует классно, он раньше в каком-то театре, что ли, работал. Я уже второй раз еду, но на занятия хожу. Все равно за них потом высчитают, а так хоть чему-то еще научишься.

– Второй раз едешь? – Я совершенно искренне обрадовалась. Надо же, какая удача.

Заметив, что она не отрывает взгляда от пачки в моей руке, я протянула ей сигареты.

– Угощайся. Меня Светой зовут.

– А я Жанна, – девчонка поколебалась, но сигарету взяла. – Вообще-то я Лена, но мало кто под своими именами выступает, большинство берут сценические псевдонимы. Их даже в контракте указывают. А как псевдоним берешь, так тебя сразу им называть начинают, чтобы потом не путалась. Мой псевдоним Жаннетта. А ты что, тоже собираешься? – Она скосила глаза куда-то через плечо.

– Ага. Только страшновато немного. Я про эти фирмы такого понаслушалась!

– Да фигня все это, – Лена-Жанна дернула плечами и шмыгнула носом. – Хотя, смотря на кого нарвешься. Но эти ничего, нормальные. Даже когда кто-нибудь там остаться хочет...

Она прервалась, вынула носовой платок и шумно высморкалась. Я испугалась, что она сейчас захочет зайти в контору, и предложила:

– Может, в кафе пока заглянем? У тебя время есть?

– Вагон, – мрачно подтвердила девчонка, переступая замерзшими ногами. – Я живу далеко, пока доеду, уже обратно надо возвращаться, вот и торчу тут, как... Вообще-то пожрать неплохо было бы. Тут и кафешка неподалеку есть. Только я, это, – она замялась, – сегодня на мели.

– Зато я нет. Пойдем, я угощаю.

Больше Жанну уговаривать не пришлось. Appetit у нее был отменный, несмотря на предстоящее в скором времени «махание ногами». Глядя на ее худосочное тельце, оставалось только удивляться, куда девается все то, что она поглощала без суеты, но быстро и в больших количествах. Настроение ее значительно улучшилось, и, не переставая орудовать столовыми приборами, она еще успевала болтать без умолку, теперь уже охотно отвечая на мои естественные, учитывая ее опыт и отсутствие у меня такового, вопросы об условиях работы за границей, взаимоотношениях с коллегами и сотрудниками «Радуги», и даже рассказала о возможности провоза через границу контрабанды.

– Легко, – заявила она, дожевывая котлету по-киевски и запивая ее яблочным соком. – Мы же группами едем, к тому же вроде как артисты, так что досматривают так, шалаяй-валяй. Главное – ничего крупного не везти и не нагнеть.

Когда к пяти мы вернулись к дверям «Радуги», я уже знала, что стриптизу тут почти не учат, этому искусству посвящают только несколько занятий в самом конце подготовительного курса. Выезжая в приписанную контрактом страну, трудоустроенный народ попадает не сразу в конкретное заведение, а поступает в распоряжение посредника, который «сдает» танцоров в аренду в соответствии с потребностями местного рынка и даже с учетом пожеланий самих исполнителей. Поэтому основная «специализация» происходит уже на месте, а Паша, главным образом, обучает пластике, умению слушать музыку, а также основным танцевальным движениям.

Душ в «Радуге» имеется, но одноместный, поэтому пользуются им по очереди.

Оформлением документов занимается заместитель, который из-за этого все время мотается в Москву и обратно, а директор из Тарасова выезжает редко, да и то обычно в сопровождении своей половины. Жена – моя мысль о семейном подряде попала в самое яблочко – крепко держит его на коротком поводке. Поэтому Серж занимается оргвопросами на месте, улаживает вопросы с билетами, органами власти и, в свою очередь, держит на коротком поводке народ: категорически запрещает распивать спиртные напитки, хотя сам втихушку от вечно лютующей жены не только «дымит как паровоз», но и беспрестанно потягивает пиво, а иногда и что-нибудь покрепче; советует соблюдать режим дня; не рекомендует злоупотреблять сексом, потому что «это отнимает много сил», и вообще не поощряет «всякие там похождения», а вот к замужним относится, наоборот, нормально, потому что они озабочены зарабатыванием денег, часто мотаются туда и обратно и при этом пользуются посредничеством фирмы, с чего фирма, разумеется, имеет стабильный и немалый доход.

Помимо прочего, Серж еще преподает подопечным иностранные языки. Уроки эти, правда, отличаются некоторым своеобразием, если не сказать чего похлеще. В отличие от танцкласса, изучение иностранных языков не является обязательным, но многие все же считают нужным посещать уроки Сержа хотя бы из принципа – за них потом все равно высчитают каждую копейку, независимо от того, нуждался ты в них или нет. Исключение делалось только для тех, кто мог свободно шпарить на всех языках, подлежащих изучению.

Преподавал Серж сразу пять иностранных языков, минимальное знание которых, по мнению его жены, было необходимо российским танцорам, – традиционный английский, немецкий, французский, американский, а точнее сленговый вариант английского, и зачем-то испанский. Учитывая ограниченное время, а также более чем ограниченные познания Сержа, минимальный для овладения объем был определен в количестве пятидесяти слов и словосочетаний для каждого языка и включал в себя набор выражений типа «Здравствуйте», «Можно мне еще чашечку кофе (вариант – чая)?», «Сегодня скверная погода», «Сколько стоит?..», «Хорошо ли вы провели ночь?», «Вы женаты?» и «Извините, у меня жутко болит голова». Слова и выражения Серж зачитывал по разговорникам, а обучающиеся усердно ему вторили, при этом уроки происходили ежедневно в течение двух с половиной часов по тридцать минут для каждого языка.

Мною так заинтересовались из-за того, что в Голландии, куда я так стремилась, образовалась вакансия, которую срочно надо было заткнуть, а ехать в эту страну знающие люди не стремятся, потому что голландцы, хотя по счетам платят исправно, считают каждую копейку, чаевых от них никогда не дождешься и вообще страна дорогая и скучная. В Германии тоже не сахар, но там оплачивают сверхурочные, без проблем отпускают домой на несколько дней после каждых трех месяцев работы, а за хорошую работу иногда даже платят неплохие премиальные.

Сначала у меня было закралось подозрение, не образовалась ли вакансия в Голландии вследствие стараний моих вездесущих коллег. Но Жанна пояснила, что одна из работающих в этой стране девушек, контракт которой заканчивается только через два месяца, неожиданно оказалась в интересном положении. Точнее, сама-то она о постигшем ее несчастье знала уже давно, но помалкивала то ли в надежде, что все рассосется само собой, то ли по какой-то другой причине. Нелегальный аборт там сделать можно, но слишком дорого и не так-то просто, тем более если ты не относишься к местному населению, а теперь говорить об этом и вовсе было уже поздно.

Через две-три недели девушке будет совсем уже не до танцев, вот ее и торопятся заметить, чтобы не пришлось платить неустойку и выслушивать упреки. А так как в этом месяце вообще немного желающих – всего-то набралось двенадцать человек, – все они неравномерно распределились между Швецией и Германией, полностью проигнорировав Голландию. Да и контракты с исполнителями уже подписаны, вот и получается, что проще подыскать новенькую, чем пытаться уломать уже имеющих.

Поразмыслив, я пришла к выводу, что подобная оперативность не по плечу даже моим расторопным и предусмотрительным коллегам, и мне, скорее всего, с вакантным местом просто чертовски повезло.

– Там одна желающая, между прочим, уже сидит, занятый дожидается, – сообщила Жаннетта. – Тоже с загранпаспортом и танцует классно, я видела. Она еще час назад пришла. Но ты не дергайся, во-первых, ты симпатичнее, а во-вторых, они в Голландию двоих хотят послать. Чтобы одна девчонку заменила, ну, ту, которая залетела, а другая – для гарантии.

Также я узнала, что сами сотрудники «Радуги» за границу мотаются только в случае крайней необходимости. При отправке за границу очередной группы директор, а чаще его заместитель, сопровождает трудоустроенных до Москвы, там рассказывает по самолетам и с легким сердцем прощается. В этот раз, по крайней мере, никто из сотрудников российского филиала «Радуги» самолично за кордон не собирается.

Из этого следовал логичный вывод, что упомянутая Семеновым татуировка может обнаружиться у кого угодно, но документы об испытаниях то ли секретной военной техники, то ли нового, неизвестного пока миру оружия – я так толком и не поняла, чего именно, а расспрашивать Грома на этот счет, ясное дело, не стала, – непременно должны были ока-

заться у кого-то из выезжающих. Причем выезжать этот человек должен был, скорее всего, не в первый раз.

К сожалению, начинать с поиска похищенной документации я не имела реальной возможности хотя бы потому, что не знала, с какого края подступиться, – материалы наверняка припрятаны в каком-нибудь тайнике. Да я вообще не могла делать ничего провокационного, чтобы себя не выдать и, главное, не спугнуть своего неведомого коллегу-шпиона. Кем бы он ни был, любителем или профессионалом, – последний вариант тоже не стоило исключать, – он должен быть настороже.

Как ни крути, получался замкнутый круг, – в конечном итоге все возвращалось к татуированной пассии Семенова, вернее, к необходимости начать поиски именно ее.

Я так усиленно расспрашивала малышку Жаннетту о танцевальных костюмах, о стриптизе и вообще о ситуациях, вынуждающих исполнителей обнажаться как можно больше, что она в конце концов начала поглядывать на меня с подозрением, а потом и вовсе заявила, что если меня интересует конкретно работа стриптизерши, то мне лучше обратиться в другую фирму. Она, Жаннетта, с ее мослами предпочитает находиться на сцене в одетом или, на худой конец, полуодетом состоянии, но меня – при этом она выразительно обвела взглядом мою фигуру – можно вполне понять, потому что показать мне есть что, и было бы глупо этим не воспользоваться. Быть стриптизершей не очень сладко, зато одних чаевых, если умеючи, можно получать столько, что в трусики не уместятся. Адресок фирмы, специализирующейся на подготовке исключительно стриптизерш, Жаннетта может черкнуть хоть сейчас. Я ответила, что пока еще окончательно ничего не решила, хочу подумать, но все равно спасибо, и постаралась о стриптизе больше не заговаривать.

Глава 3

Помещение, в котором располагалась «Радуга», состояло из многочисленных комнат, комнаток и коридоров.

Едва мы вошли внутрь, из-за одной двери вывалила здоровенная фигура и быстрым шагом пошла прямо на нас, по крайней мере, мне тогда так показалось. Фигура напоминала небольшой танк, который двигался вперед, полностью игнорируя попадавшие на пути препятствия. Та часть во мне, которая строила из себя Светлану Парамонову, тихо взвизгнула и прижалась к оклеенной вычурными обоями стене. Но тут проснулась Багира и попыталась встать в защитную стойку.

Танк, не снижая скорости, зло зыркнул на меня глазами, Жанна что-то хотела ему сказать, но он только дернул плечами и буркнул:

– Потом. Тороплюсь. – И вышел на улицу, сильно хлопнув при этом дверью.

– Кто это? – ошарашенно спросила я.

Жаннетта оторвала взгляд от входной двери, посмотрела на меня тоже почему-то со злобой, но тотчас улыбнулась, правда, улыбочка вышла какой-то вялой, и пояснила:

– Водитель, Виктор.

– А он что, всегда такой? – Я выдвинула вперед нижнюю челюсть, округлила плечи и сверкнула исподлобья глазами.

Жаннетта рассмеялась.

– Похоже. В основном такой, но вообще-то он парень неплохой, просто не очень общительный.

Она опять погрузилась, засунула руки в карманы джинсов, съежилась, совсем как тогда на улице, и пошла по коридору, на мгновение обернувшись, чтобы посмотреть, иду ли я за ней. Я, конечно же, старалась не отставать, про себя решив, что эту парочку надо будет взять на заметку. Наверное, у них просто был роман, но как-то с трудом представлялось, как эта горилла нежно лапает хрупкую Жаннетту, едва доходящую до пупка.

– Вот, – завернув пару раз по извилистому коридору, Жанна остановилась около одной из дверей. – Здесь кабинет директора. А там, – она острым худым подбородком указала куда-то дальше по коридору и хмыкнула, – комната нашей принцессы, Паши то есть. Ты заходи пока, Пашу я сейчас позову.

Она постучала костяшками пальцев в дверь и толкнула сначала ее, потом ободряюще хлопнула по плечу меня. Дверь от толчка чуть приоткрылась.

– Кто там? – крикнул из кабинета мужской голос.

Мне не оставалось ничего другого, как поблагодарить Жаннетту за сердечную заботу и войти.

– Не за что, – ехидно улыбнулась мне вслед Жанна.

Оглянувшись на нее с удивлением, – чем это я успела заслужить такую язвительность, уж не тем ли, что стала невольной свидетельницей неприветливости по отношению к ней Виктора, – я зашла в кабинет.

Директору – шатену с намечающимся брюшком, пикантно натягивающим ткань дорогого шерстяного костюма, – едва ли исполнилось больше сорока лет. В воздухе клубами вился сигаретный дым. Невзирая на дым, мой чуткий нос с порога уловил пивные пары.

– Здравствуйте, – я лучезарно улыбнулась, делая шаг по направлению к столу.

– Кто там? – с опозданием еще раз воскликнул шатен. – Здравствуйте. Вы ко мне?

– Если вы господин Петрушков, – выкопала я из памяти его фамилию, – то да, я к вам.

Не дожидаясь приглашения, я села на стул, одиноко стоящий около стеночки, и положила ногу на ногу. Серые глазки директора пошарили по округлостям моей фигуры и остановились на краю юбки.

– Светлана, – представилась я, нежно глядя на его слегка приплюснутый нос и неторопливо расстегивая «молнию» на куртке. – Светлана Парамонова. Я вам сегодня звонила.

Господин Петрушков с моей юбки переместил взор на то, что постепенно открывала «молния» – там тоже было на что посмотреть. Глаза директора слегка затуманились и увлажнились.

– Да-да, конечно, – рассеянно сказал он.

«Э, дружище, – подумала я, – да ведь твой благочестивый образ жизни, похоже, вынужденный». Вспомнить он меня, видимо, не мог, а признаться в этом не торопился, поэтому я посчитала правильным продолжить.

– Я разговаривала с... – я прищелкнула пальцами, сверкнув накладными ногтями. – Пашей, кажется. Мы договорились, что я подойду к пяти. Побеседовать.

– Ах, так вы трудоустраиваться! – Директор расплылся в такой широкой улыбке, что я увидела дырку, зияющую на месте шестого верхнего зуба. – Очень приятно. Сергей.

Я приветливо-снисходительно кивнула, переспросила:

– Сергей?..

– Ну что вы! – весело возмутился директор. – Просто Сергей.

Дверь без стука распахнулась, и в кабинет вплыл, покачивая бедрами, высокий стройный молодой человек с привлекательным, гладко выбритым лицом.

Петрушков на секунду поджал губы, недовольный, очевидно, такой бесцеремонностью, но акцентировать внимание на этом не стал.

– Очень вовремя. Познакомьтесь, это Павел, – сказал он. – Именно с ним вы общались по телефону. А это Светлана Парамонова, желает поработать за границей.

Паша приветливо улыбнулся, кивнул, внимательно осмотрел мою фигуру. В его взгляде, в отличие от директорского, ничего, кроме профессионального любопытства, не отражалось. Закончив осмотр, он слегка поклонился в мою сторону со словами:

– Ради бога, извините, голубушка!

Потом подошел к Петрушкову и что-то быстро зашептал ему на ухо.

– Так это же замечательно! – воскликнул директор. – Светлана, а не могли бы вы рассказать о себе чуть подробнее?

– Могла бы, – я улыбнулась.

Я рассказала о том, что вернулась в Тарасов совсем недавно, потому что, хотя и родилась здесь, последние несколько лет жила в Балакове. А теперь решила пожить за пределами родины, даже вот загранпаспорт оформила, и подумала, почему бы там заодно не поработать, тем более что опыт выступлений на сцене имеется и гложет любопытство, что за публика эти иностранцы и каково быть артисткой там, у них.

Паша, слушая мое повествование, присел, за неимением свободного стула, на край директорского стола. Как ни был увлечен моим красноречием Петрушков, но время от времени он неодобрительно посматривал на Пашину задницу, обтянутую темно-синими джинсами, а как только я сказала: «Ну вот, пожалуй, и все», – не выдержал и потянул за угол стопку бумаг, на которых сидел Паша.

– Ах, извини! Я давно говорил, пора купить еще стульев, – Паша привстал, сдвинул бумаги в сторону и как ни в чем не бывало уселся на то же место. – Так вы, значит, певица?

– Певица, – подтвердила я скромно.

Паша с Петрушковым переглянулись и посмотрели на меня так заинтересованно, что я поняла – сейчас попросят что-нибудь напеть из репертуара. Может, у них еще какая вакансия

за пазухой припрятана, специально для певиц. Удружил мне Гром с певческим прошлым. Нет уж, увольте, я лучше попляшу.

– Только понимаете в чем дело... Сейчас я вообще не пою, – заявила я категорически. – Застудила немного горло, боюсь совсем голос потерять. А что вы там говорили еще о претендентках?

Я невинно улыбнулась.

Первым опомнился Паша. Он сказал, что всего желающих выехать на работу трое. Основные документы у них готовы, но с этими срочными оформлением столько мороки, что сейчас отправят только двоих. Третья, конечно же, тоже поедет, но только через два месяца, так что волноваться мне не о чем.

– У нас все трудоустраиваются. Главное, чтобы они могли выступить перед публикой, ну и, – тут Паша обвел рукой свои стати, – не страшными были, чтобы глазу зрителя было на чем отдохнуть. А хорошо и красиво двигаться мы научим. Так что вы точно поедете. Не в этот раз, так в другой. Пойдемте, я покажу вам раздевалку. Скоро начнутся занятия, там и посмотрим, кто на что годен. Костюм для занятий взяли?

Я кивнула.

До занятий еще оставалось немного времени, поэтому в танцевальный костюм – незаметно для себя я начала произносить это слово на Пашин манер – я пока переодеваться не стала, а только сняла верхнюю одежду и отправилась на экскурсию.

Танцевальные занятия проходили в самой большой комнате. В ней уже тусовалось несколько девчонок, одетых в основном в майки и эластичные трико. На скамье, поставленной вдоль стены, дожидались шести часов мои конкурентки. Другие девушки давно уже успели перезнакомиться и освоиться, а этих легко можно было определить по испуганным глазам и слегка обалделому виду. Рядом с одной сидел парень и что-то тихо ей выговаривал.

Я приняла такой же обалделый вид и присела рядышком. Голландия, как таковая, и все, что с ней связано, интересовали меня постольку-поскольку, но именно в эту «подготовительную группу» я намеревалась попасть.

– Вы уже записались? – спросила я.

Вопрос прозвучал немного нелепо, как если бы я спрашивала, записались ли они на уроки танцев. Но девчонки меня каким-то образом поняли и отрицательно покачали головами.

– Я тоже, – я вздохнула. – Боязно как-то.

Конкурентки посмотрели на меня недоверчиво. Наверное, я производила впечатление не очень-то пугливой особы. Но я игнорировала их взгляды и продолжала развивать мысль:

– И времени совсем нет подумать. Завтра контракт подписать надо. А мне такого нарассказали... Говорят, как туда приезжаешь, так у некоторых девчонок паспорта отбирают под всякими предлогами, ну, мало ли что придумать можно, и по-своему работать заставляют.

– Ну? – удивилась одна.

– Вот тебе и «ну». А что поделаешь? Ты там без паспорта вообще никто. А на контракт этот они чихать хотели. Вот и вкалываешь – вечером на сцене, ночью на постели.

– Как это? – удивилась другая.

– А так, – я мрачно сощурилась. – Сначала перед пьяными клиентами на сцене раздеваешься, а потом эти же клиенты тебя в соседней комнате трахают, причем задаром. Вот и не знаю, что делать.

Я тяжело вздохнула и с чистой совестью отправилась переоблачаться в костюм.

Когда без пяти шесть я вернулась обратно, одной конкурентки – той, что сидела с парнем, – уже не было. Нервы другой, к счастью, оказались покрепче, иначе в Голландию в этот раз ехать точно было бы некому.

Когда начались занятия, я быстро сориентировалась, поэтому замечаний от Паши в свой адрес почти не слышала и даже получила удовольствие, как от хорошей хотя и своеобразной тренировки. Пот с меня, как и с остальных, лил градом, и когда я наконец услышала, что занятия закончены и желающие могут воспользоваться душем, чуть было не ринулась полоскаться первая, временно позабыв, по какой причине я вообще попала в эту контору.

Одна из девушек пошла в душ, некоторые предпочли просто переодеться и поскорее отбыть домой, остальные шатались в ожидании своей очереди в душевую кабину.

В помещении душа находилась маленькая раздевалка, и, чтобы ускорить процесс, пока один человек мылся, другой в это время снимал промокшую от пота одежду.

Решив использовать хотя бы этот шанс, я отправилась в душ третьей, в результате чего смогла более-менее рассмотреть двух «трудоустроенных».

Весь вечер и следующий день я ломала голову над тем, что предпринять, какой бы финт выкинуть, чтобы заставить раздеться всех присутствующих. А ведь надо было учитывать еще и тех, кто отсутствовал. Таких, собственно, на данный момент было всего двое – жена Петрушкова, появлявшаяся в конторе лишь изредка и почти всегда без предупреждения, очевидно, в надежде застукать мужа за каким-нибудь непотребным занятием, и заместитель директора, который по сведениям, полученным от одной из девушек, сейчас находился в Москве. Хорошо еще, что в этот раз не трудоустроивались юноши, а только девушки. Это я постаралась уточнить сразу же, и теперь мысль, что по крайней мере в мужскую раздевалку заглядывать не придется, приятно грела душу. Так что, по сути, из «юношей», подлежащих осмотру, оставались только сотрудники «Радуги» мужского пола.

Жену директора я сегодня уже видела, но на расстоянии и мельком. Впечатление она оставила, надо признаться, неизгладимое. Подобно торнадо, она влетела утром в контору, промчалась по коридору, на мгновение затормозила у закрытой двери мужского кабинета, а затем с торжествующим криком: «А вот и я, дорогой!» – ворвалась внутрь. Не думаю, что ей удалось застукать муженька даже за потягиванием пива, больно уж тихо было в кабинете – ни скандальных криков, ни угроз.

Надо будет выведать, зачем она прибежала, – решила я и вернулась к своим размышлениям на телесные темы.

Изучать по два тела за день, да и то делать это кое-как, смысла не имело. Душем пользовались чуть больше половины девушек, остальные вполне обходились без этой роскоши. В отношении мужчин тоже следовало что-нибудь предпринять. И еще меня жутко раздражали эти многочисленные помещения, в которых переодеваться занимающиеся могли чуть ли не в одиночестве, – в качестве раздевалок использовалось целых три небольшие комнаты, плюс раздевалка при душе, плюс то, что приходили и уходили, а соответственно, и переодевались девушки не одновременно, плюс... В результате всех этих плюсов получался один большой минус.

На занятия по иностранным языкам я пришла из любопытства, а также в надежде отыскать до сих пор не замеченную мною лазейку из этого «телесно-татуировочного» лабиринта. Пока единственное, что я знала точно, так это то, что спустя три недели научусь неплохо танцевать. Учителем танцев Паша в самом деле был отменным, за что его, собственно, ценили в фирме и закрывали глаза на некоторые, с позволения сказать, слабости и особенности мировоззрения. Ходил он как манекенщица по подиуму, жестикулировал, как избалованная девица, а разговаривал театрально и с французским прононсом, при этом всех без разбора называл «голубушками» и «голубчиками». Но к этому окружающие быстро привыкали, хотя за глаза называли Пашу или «голубым», или «нашей принцессой».

Директор тем временем выговорил мучительно трудное слово, торжествующе его повторил, изуродовав при этом еще больше, и облизал пересохшие губы.

Пить хочет, бедняга, – подумала я с сочувствием, – а в столе небось бутылочка пива затарена. Напоить его, что ли, как-нибудь вечерком... Даже, между прочим, повод имеется – у меня же завтра день рождения.

И тут у меня родилась гениальная идея. Я даже подскочила от неожиданности. Директор сбился и посмотрел на меня вопросительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.